

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Коан и его реализация в прозе В. Пелевина // Litera. 2024. №8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71565
EDN: WRKELV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71565

Коан и его реализация в прозе В. Пелевина

Гун Аньпин

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71565

EDN:

WRKELV

Дата направления статьи в редакцию:

24-08-2024

Аннотация: Философская мысль дзен-буддизма широко используется в творчестве Виктора Пелевина, она становится неотъемлемым элементом его ранних произведений. Наиболее важной и типичной особенностью дзен-буддизма является использование «коан» для понимания философской мысли дзен-буддизма. Первоначальное значение слова «коан» – это судебный документ древнекитайского правительства. Позже термин «коан» был заимствован дзен-буддизмом, и его содержанием обычно является рассказ о мастере дзен, диалог между мастером и его учениками, вопросы и намеки мастера. В данной статье рассматривается реализация коанов в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Объектом исследования является поэтика творчества В. Пелевина, предмет исследования – коан и его реализация в прозе писателя. В рамках данной работы соединяются сравнительно-типологический, культурно-исторический, структурно-поэтический методы. Теоретической и методологической основой исследования стали труды по методологии интертекстуальности, религиоведению и нарратологии. Новизна работы заключается в том, что в ней показан и проанализирован процесс художественной реализации дзен-буддийских коанов в прозе Виктора Пелевина. Существующие исследования были больше сосредоточены на интерпретации концепции и философской мысли дзен-буддизма в произведениях Пелевина, в них отсутствует

изучение реализации и адаптации дзен-буддийских коанов в прозе писателя, также игнорируются идеологические различия между разными школами дзен. Показано, что эти коаны реализуются в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» через диалог и поведение героев. Сюжет романа следует за последовательностью процесса просветления в коане мастера дзен Циньюань Синси. Опыт практики дзен главного героя Петра Пустоты – это постоянно совершенствующаяся игра, а стандартом оценки в игре является степень понимания коана.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, коан, дзен-буддизм, Чапаев и Пустота, просветление, философия, Сутра сердца, школа Линьцзи, Сон бабочки, коллективное бессознательное

Дзен-буддизм — одно из направлений китайского буддизма, которое началось с Бодхидхармы, расцвело при шестом патриархе Хуэйнэне и стало господствующим направлением буддизма в Китае в середине и конце правления династии Тан. В течение сотен лет после шестого патриарха Хуэйнэна дзен-буддизм постепенно ослабевал. Чтобы сохранить жизненную силу дзен, мастера предложили экстремальный метод, который мог бы способствовать монахам в просветлении — использование коанов. Первоначальное значение слова «коан» — это судебный документ древнекитайского правительства. Позже термин «коан» был заимствован дзен-буддизмом, и его содержанием обычно является рассказ о мастере дзен, диалог между мастером и его учениками или вопросы и разного рода намеки мастера. Коан обладает двумя примечательными свойствами: гибкостью и иррациональностью. Другими словами, в коане мастера дзен дают объяснения различных ситуаций из жизни своих учеников, но их слова и поступки нелогичны и несовместимы с общепринятыми.

Философия дзен-буддизма занимает очень важное место в прозе В. Пелевина. Роман «Чапаев и Пустота» — это дзен-буддистский роман, в котором рассказывается о полном процессе просветления главного героя — Петра Пустоты. Один коан в древнекитайском сборнике коанов «У дэй хуэй юань» (1252) не только показывает три этапа практики дзен, но и становится главной идейной основой в романе Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Пока ты не знаком с учением дзен, горы — это горы, реки — это реки; когда ты изучаешь дзен, горы перестают быть горами, а реки — реками; но после того, как ты достиг просветления, горы — это снова горы, а реки — это снова реки» [\[3, с. 105\]](#). Этот коан представляет собой процесс просветления, описанный Циньюань Синси, мастером дзен из династии Сун. Первая стадия: до изучения дзен все, что люди видят, является его видимостью, и люди верят, что мир существует в соответствии с установленными правилами. Вторая стадия: после практики и медитации мастер дзен чувствует, что все в этом физическом мире есть иллюзия. Как сказано в «Алмазной сутре»: «Когда есть образ, то есть и заблуждение» [\[1, с. 125\]](#). Третья стадия: мастер дзен поддерживает собственное сознание, в этой стадии реальность является продуктом личного сознания.

В романе «Чапаев и Пустота» Чапаев и Черный барон — просвещенные герои, которые находятся в революционном мире Москвы. Они выступают в роли мастеров дзен, подражая или создавая коаны, чтобы вдохновить Петра. Первая задача мастеров дзен — заставить Петра осознать концепцию «не-я» и отказаться от дуализма. Согласно идеи дзен, люди ошибочно думают, что «я» — это совершенно независимая сущность, но, если есть «я», то будут отвлекающие мысли, поэтому наилучший метод духовного

совершенствования — действовать без намеренных усилий или целеполагания [8, с. 382]. Когда Петр впервые соприкасается с дзен, Чапаев обсуждает с ним проблему «не-я». Подобно традиционным мастерам дзен, он не дает ответов на вопросы напрямую. Однако он берет на себя инициативу задавать вопросы, чтобы направить Петра к размышлению. Но традиционный мастер дзен уделяет больше внимания активности учеников, поэтому в коанах ученики обычно задают вопросы учителю. Диалог между Чапаевом и Пустотой об индивидуальном сознании выглядит следующим образом:

«...Ведь «мы» — это сложнее, чем «я», правда?

— Правда, — сказал я.

— Что ты называешь «я»?

— Видимо, себя.

— Ты можешь мне сказать, кто ты?

— Петр Пустота.

— Это твое имя. А кто тот, кто это имя носит?

— Ну, — сказал я, — можно сказать, что я — это психическая личность. Совокупность привычек, опыта... Ну знаний там, вкусов.

... — А какие привычки бывают у привычек?» [7, с. 153].

Тема «не-я» часто обсуждается в коанах. Например, в первом коане древнекитайского сборника «Речения с лазурного утеса» Правитель У-ди задает Бодхидхарме три вопроса: «я строил храмы для поклонения Будде всю свою жизнь и обеспечивал монахов едой и удобствами, каковы мои заслуги и добродетели; в чем заключается высший смысл священной истины; кто же стоит перед моими очами» [6, с. 559]. Три вопроса Правителя У-ди на самом деле являются одной проблемой: у Правителя У-ди все еще есть навязчивые идеи. Он строил храмы и угождал монахов, потому что хотел или славы, или богатства или награды. Мастер Бодхидхарма дал ему отрицательный ответ: нет высшей истины и нет «я». В то время Правитель У-ди и Петр Пустота были людьми, которые совсем не понимали сути дзен, они не осознавали, что «я» — это всего лишь кодовое имя, и они не должны ставить никаких целей в своем сознании.

Главный герой романа «Чапаев и Пустота» Петр Пустота находится одновременно в двух периодах: в 1918–1919 гг. и в середине 1990-х. В революционной Москве он был политруком Чапаева и поэтом-модернистом из Петербурга, а в современной России — пациентом психбольницы. Автор романа ставит перед Петром вопрос: какой из этих миров реален? Как неоднократно подчеркивал Дайсэцу Судзуки, «возвращение дуализма — фундаментальная ошибка, от которой следует обязательно избавиться на первых же этапах пути к состоянию самоосуществления» [8, с. 107]. Подумав над проблемой «не-я», Петр не только начинает сомневаться в собственном образе мышления, но и переосмысливает действующий механизм всего мира: «Можно было бы сказать, думал я, что мир, с одной стороны, существует во мне, а, с другой стороны, я существую в этом мире, и это просто полюса одного смыслового магнита, но фокус был в том, что этот магнит, эту диалектическую диаду негде было повесить» [7, с. 162]. К этому моменту Петр уже скептически относится к дуализму, но на самом деле не отказывается от него.

Из слов Черного барона в седьмой главе мы можем узнать следующее: Петр считает, что мир сна (то есть мир, где находится психиатрическая больница) менее реален, чем то пространство, где он пьянистует с Чапаевым в баньке. Чтобы избавиться от этой дуалистической идеи, Чапаев цитирует и адаптирует китайский даосский философский рассказ «Сон бабочки». Чапаев говорит, что он знал одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан, которому всегда снилось, что он красная бабочка, летящая среди травы. Когда Чжуан Цзе просыпался, то не знал, бабочка он или подпольщик. Эта даосская история восходит к книге философа Чжуан-цзы «Ци у лунь»: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу» [\[10, с. 73\]](#). В этой истории обыгрывается философская мысль о «единении человека с космосом» китайского даосизма. Чжуан-цзы верит, что феноменальный мир не имеет реальности, и даже не знает, живет ли он во сне бабочки. Пелевин использовал прием пародии, чтобы адаптировать даосскую историю к коану, произнесенному мастером дзен. Его цель при создании этого коана состоит в том, чтобы с его помощью объяснить Петру, что такое сон и настоящее пробуждение. Пелевин написал концовку для рассказа Чжуан Цзе: после допроса у Черного барона последний проснулся от того, что его поставили к стене и разбудили, а затем полетел дальше [\[7, с. 221\]](#). Возможно, Чжуан Цзе всего-то навсегда попадет из одного сна в другой. Настоящее пробуждение происходит именно так, как сказал Чапаев: «Но если ты поймешь, что абсолютно все, происходящее с тобой — это просто сон, тогда будет совершенно неважно, что тебе приснится» [\[7, с. 222\]](#). Таким образом, точка зрения, которой Чапаев хочет научить, звучит так: «Жизнь подобна сну, мир — это пустота».

Однако философская аллюзия на «Сон бабочки» не вызвала у Петра прозрения, поэтому Чапаев попросил Черного барона взять Петра с собой, чтобы тот хоть раз оказался в месте, которое не имеет никакого отношения ни к кошмарам о доме умалишенных, ни к кошмарам о Чапаеве [\[7, с. 236\]](#). В коане мастера дзен также могут отвечать ученикам без слов, они используют практические действия в качестве ответов на их вопросы. Введение роли барона Юнгерна имеет две функции: 1) барон дает Петру практическое представление об истинной структуре вселенной, 2) барон вводит понятие «Внутренняя Монголия» и разъясняет конечную цель дзен-практики Петра. Дворец барона Валгалла был для Петра «третьим» миром, когда он покинул этот мир, то увидел и почувствовал простое и глупое устройство вселенной: «Словно бы одну декорацию сдвинули, а другую не успели сразу установить на ее место, и целую секунду я глядел в просвет между ними» [\[7, с. 242\]](#). Метод показа нереальности мира у Пелевина слишком прямолинеен, но в то же время он является самым простым и действенным. Петр полностью отверг дуализм и признал нереальность мира. В этот момент он оставил первую стадию практики дзен и перешел на вторую.

Вернувшись в мир революционной Москвы, Петр стал думать о возможности пережитого и начал задавать Чапаеву вопросы о вечности. Чапаев ответил: «Этот момент, Петька, и есть вечность». Эти события, лично пережитые Петром, могут показаться мистическими, но смысл третьей стадии практики дзен как раз и состоит в их объяснении. Для лучшего понимания третьей стадии барон Юнгрен впервые предлагает концепцию «коллективной визуализации»: «Когда множество верующих начинает молиться какому-нибудь богу, он действительно возникает, причем именно в той форме, в которой его представляют... Мир, где мы живем — просто коллективная визуализация, делать которую нас обучают с

рождения» [\[7, с. 251\]](#). Понятие «коллективная визуализация» происходит из теории «коллективного бессознательного», предложенной швейцарским психологом К. Г. Юнгом. По мнению Юнга, коллективное бессознательное — это врожденный глубокий слой бессознательного, содержание же коллективного бессознательного составляют так называемые архетипы. Основным выражением архетипа являются мифы, сказки, религиозные учения [\[11, с. 158-161\]](#). «Коллективное бессознательное» или «коллективная визуализация» позволяет миру, культуре и обществу продолжать и поддерживать одинаковость бессознательным образом. Однако в дзен-буддизме считается, что люди всегда ограничены логикой и языком и не могут проникнуть в истину.

«Не имея ничего в руках, я держу лопату.

Я иду пешком и я еду на буйволе-водовозе» [\[12, с. 58\]](#) —

эти две строки стихотворения Мастера Шанхуэя, кажется, бросают вызов логике и здравому смыслу. Дайсэцу Судзуки считает, что надо отбросить слова и вернуться к фактам, и что в кажущихся неразумными вещах тоже есть своя логика. Мастера дзен могут обладать силой слова: например, лопату можно не называть мотыгой. Итак, третья стадия практики дзен заключается в том, чтобы сосредоточить медитирующего на его сознании, а не на логике, словах, предрассудках и видимостях, которые дает коллективная визуализация. А реальность есть не что иное, как отражение личного сознания, как сказал барон Юнгрен: «что существовало бы, что называется, на самом деле. Все зависит от того, кто на это смотрит... Но какие бы формы ни были нам предписаны прошлым, каждый из нас все равно видит в жизни только отражение своего собственного духа» [\[7, с. 251\]](#). Поэтому все переживания, весь мир являются продуктами сознания Петра, возможно, что и сны, происходящие в одно мгновение, — также являются продуктом медитации Петра. Третью и заключительную стадию практики дзен барон Юнгрен и Чапаев называют «Внутренней Монголией».

После того как Петр отправился во дворец барона Валгаллу и успешно продвинул еще на один шаг к просветлению, реализация коанов в романе следует следующей структуре: рассказ о коане сопровождается его переживанием на практике. Сочетание коана и практики может помочь Петру быстро достичь конечной цели дзен. Например, Чапаев использовал глиняный пулемет, чтобы превратить все в небытие, а затем рассказал Петру коан «Будда Анагама и глиняный пулемет». Задолго до того, как в мир пришли будда Дипанкара и будда Шакьямуни, жил будда Анагама. Анагама просто указывал на вещи мизинцем своей левой руки, и сразу же после этого проявлялась их истинная природа. Когда он указал на гору и реку, они исчезли, и, наконец, этот мизинец указал на него самого, с тех пор он исчез. Глиняный пулемет и есть этот кусок глины с мизинцем Будды Анагамы [\[7, с. 321-322\]](#). Идеи дзен-буддизма, выраженные в этом коане, близки идеям школы Линьцзи. Школа Линьцзи была сформирована во времена поздней династии Тан, ее стиль дзен славится своей прямотой и интенсивностью. Один коан, написанный наставником Линьцзи Исюанем, основателем школы Линьцзи, не только считается классикой у многих японских самураев и писателей, но и является идеологической основой коана «Анагама и глиняный пулемет» в романе Пелевина. Центральная идея этого коана такова: «Последователи Дао! Если вы хотите обрести взгляд, соответствующий Дхарме, то не поддавайтесь заблуждениям других. С чем бы вы ни столкнулись внутри или снаружи — убивайте это. Встретите Будду — убивайте Будду, встретите Патриарха — убивайте Патриарха, встретите архата — убивайте архата, встретите родителей — убивайте родителей, встретите родственников — убивайте родственников. Только тогда вы обретете освобождение от уз» [\[4, с. 125\]](#).

Убийство в коане Линьцзи относится не к настоящему убийству, а к отказу от авторитета и эмоций в процессе практики. Самоубийство авторитетного Будды изложено в коане Будды Анагамы, который представляет самую важную мысль дзен-буддизма секты Линьцзи: не поклоняйтесь классике и авторитету, нет Будды вне сознания практикующего. Глиняный пулемет — это шарира Будды Анагамы, то есть результат практики Будды. Шарира может относиться как к практике и заслугам будды или выдающихся монахов, так и к материальным или нематериальным телам. Пелевин совмещает эти две интерпретации: когда Анна стреляла из глиняного пулемета, Чапаев крикнул: «Огонь! Вода! Земля! Пространство! Воздух!» [7, с. 321]. Использование глиняного пулемета не требует заклинаний, Чапаев объяснил суть глиняного пулемета. Так, с древних времен индийцы рассматривали тело человека как микрокосм, повторяющий в миниатюре вселенную, образуемую пятью элементами. Его кости сделаны из земли, дыхания из ветра, флегма и другие гуморы — из воды, жар — из огня, сердце, желудок и ушные раковины заполнены акашем (эфиром, пространством) [5]. Таким образом, глиняный пулемет, представляющий собой микрокосм вселенной, состоящий из пяти элементов, может выявлять истинную природу вещей. И всякая вещь, на которую он указывает, исчезает, отражая еще одну фразу Чапаева: «Любая форма — это пустота. Пустота — это любая форма» [7, с. 324]. В «Сутре Сердца» есть похожее выражение: «Чувственно воспринимаемое — это и есть пустота. Пустота — это и есть чувственно воспринимаемое» [2, с. 252-267]. Коан «Будда Анагама и глиняный пулемет» сочетает в себе идеи Школы Линьцзи, «Сутры Сердца» и понятие шариры; он появляется в романе двумя способами: языковым и с помощью описания практики.

В романе «Чапаев и Пустота» коан используется не только как средство просветления, но и как первопричина формирования сложной структуры пространства романа. Путь Петра к просветлению полностью пассивен, его практика дзен ближе к программе или компьютерной игре, а ключом к тому, сможет ли он пройти уровень, является его сознание. Два нарративных пространства, в которых живет Петр, являются установками уровня «дуализм», и если его сознание избавится от дуализма, то эти пространства соединятся. Каждое продвижение сюжета является проверкой понимания коана: Петр выступает как игрок в этой дзен-игре, в то время как дзен-мастер Чапаев и черный барон — неигровые персонажи. Параллели с игрой особенно явственны, когда Петр вступает в третью стадию дзэн. После того как глиняный пулемет превратил все в небытие, Чапаев открыл следующий уровень. Рассказав об идее дзен-буддизма о «пустоте», Чапаев попросил Петра закрыть глаза, а затем открыть их, чтобы увидеть реку Урал. Правило этого уровня игры состоит в том, чтобы понять смысл коана «Глиняный пулемет» и идею «Любая форма — это пустота». Только тогда вы сможете перейти реку Урал, что символизирует третий этап практики дзен. Но Петр не был готов, поэтому ему не удалось пройти этот уровень. Другими словами, понимание коана является правилом игры дзен, но сама установка игрового уровня также составляет коан.

Итак, в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина коан — это инструмент, используемый для выражения идей дзен-буддизма. В романе цитируются существующие древнекитайские коаны, создаются новые, и даже тексты других философских школ также превращаются в коаны. Эти коаны реализуются в тексте через диалог и поведение героев, есть несколько способов их реализации: герои рассказывают коан; диалог героев составляет коан; поведение героев заменяет ответ, образуя коан. Кроме того, сюжет романа следует за последовательностью процесса просветления в коане мастера дзен Циньюань Синси. Опыт практики дзен главного героя Петра Пустоты — это

постоянно совершенствующаяся игра, а стандартом оценки в игре является степень понимания коана.

Библиография

1. Ваджрачхедика праджняпарамита-сутра / Алмазная Сутра / Пер. Е. А. Торчинова // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986. С. 34–45. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 1991.
2. Древний Восток. Сутра сердца. Праджня-парамиты / Пер. Е. А. Торчинова // Введение в буддологию: Курс лекций. Спб: Санкт-Петербургск. философск. общество, 2000. С. 252–267.
3. Капра Ф. Дао физики: исследование параллелей между современной физикой и восточной философией. СПб.: ОРИС; ЯНА-ПРИНТ, 1994. 304 с.
4. Линь-цзи Лу / Вступ. ст., пер. с кит., comment. и граммат. очерк И. С. Гуревич. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 272 с.
5. Лысенко В. Г. Шарира. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b12915c2274839b541a> (дата обращения: 28. 07. 2022 г.).
6. Маслов А. А. Письмена на воде: первые наставники чань в Китае. М.: Сфера, 2000. 604 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
8. Судзуки Д. Т. Очерки о дзэн-буддизме. Ч. 1. СПб.: Наука, 2002. 472 с.
9. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
10. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.
11. Юнг К. Г. История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX века). М.: Изд-во Московск. ун-та, 1986. 344 с.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York.: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тексты Виктора Пелевина интересны не только в формате чтения, но и в рамках серьезных научных изысканий. Уже накоплен должный критический опыт, написаны монографические исследования, представлены разборы конструктивного типа. И все же к текстам В.О. Пелевина, так или иначе, возвращаются, выдвигают новые оценочные суждения, погружаются в поэтику Пелевина как одного из ярких представителей русского постмодернизма. Автор рецензируемого труда вначале обозначает, что «философия дзен-буддизма занимает очень важное место в прозе В. Пелевина. Роман «Чапаев и Пустота» — это дзен-буддистский роман, в котором рассказывается о полном процессе просветления главного героя — Петра Пустоты. Один коан в древнекитайском сборнике коанов «У дэй хуэй юань» (1252) не только показывает три этапа практики дзен, но и становится главной идеейной основой в романе Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Пока ты не знаком с учением дзен, горы — это горы, реки — это реки; когда ты изучаешь дзен, горы перестают быть горами, а реки — реками; но после того, как ты достиг просветления, горы — это снова горы, а реки — это снова реки» [3, с. 105]. Этот коан представляет собой процесс просветления, описанный Циньюань Синси, мастером

дзен из династии Сун», и «в романе «Чапаев и Пустота» Чапаев и Черный барон — просвещенные герои, которые находятся в революционном мире Москвы. Они выступают в роли мастеров дзен, подражая или создавая коаны, чтобы вдохновить Петра. Первая задача мастеров дзен — заставить Петра осознать концепцию «не-я» и отказаться от дуализма. Согласно идеи дзен, люди ошибочно думают, что «я» — это совершенно независимая сущность, но, если есть «я», то будут отвлекающие мысли, поэтому наилучший метод духовного совершенствования — действовать без намеренных усилий или целеполагания...». Работа имеет завершенный вид, авторская точка зрения вполне объективна; материал практико-ориентирован, его целесообразно использовать при изучении курсов по изучению истории русской литературы, творчества Виктора Пелевина. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке, но его необходимо вычитать. Фактических данных достаточно, цитации выверены и введены верно: например, «Из слов Черного барона в седьмой главе мы можем узнать следующее: Петр считает, что мир сна (то есть мир, где находится психиатрическая больница) менее реален, чем то пространство, где он пьянствует с Чапаевым в баньке. Чтобы избавиться от этой дуалистической идеи, Чапаев цитирует и адаптирует китайский даосский философский рассказ «Сон бабочки». Чапаев говорит, что он знал одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан, которому всегда снилось, что он красная бабочка, летящая среди траве. Когда Чжуан Цзе просыпался, то не знал, бабочка он или подпольщик. Эта даосская история восходит к книге философа Чжуан-цзы «Ци у лунь»: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу» и т.д. Умело вводятся в текст т.н. промежуточные выводы, они отчасти являются и скрепами, поддерживающими логику научной нарратии: типа, «таким образом, глиняный пулемет, представляющий собой микрокосм вселенной, состоящий из пяти элементов, может выявлять истинную природу вещей. И всякая вещь, на которую он указывает, исчезает, отражая еще одну фразу Чапаева: «Любая форма — это пустота. Пустота — это любая форма» [7, с. 324]. В «Сутре Сердца» есть похожее выражение: «Чувственно воспринимаемое — это и есть пустота. Пустота — это и есть чувственно воспринимаемое» [2, с. 252-267]. Коан «Будда Анагама и глиняный пулемет» сочетает в себе идеи Школы Линьцзи, «Сутры Сердца» и понятие шариры; он появляется в романе двумя способами: языковым и с помощью описания практики». Автор приходит к выводу, что «в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина коан — это инструмент, используемый для выражения идей дзен-буддизма. В романе цитируются существующие древнекитайские коаны, создаются новые, и даже тексты других философских школ также превращаются в коаны. Эти коаны реализуются в тексте через диалог и поведение героев, есть несколько способов их реализации: герои рассказывают коан; диалог героев составляет коан; поведение героев заменяет ответ, образуя коан». Т.н. «дзен-коан» в текстах Виктора Пелевина, конечно же, путь к просветлению, это некая форма (не исключаем и режим эстетики) постижения себя (себя как читателя). Думаю, что работы грамотно сформирована, в ней есть должный научный ценз, есть и объективизация проблемы, темы исследования. Удачно в тексты статьи манифестирует вопрос влияния дзен-буддизма на творчество В.О. Пелевина, удачно предложена и парадигма рассмотрения проблемы. Базис исследования объективен, существенные аргументы внесены. Статью «Коан и его реализация в прозе В. Пелевина» рекомендую к публикации в журнале «Litera».